

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА МОРФОЛОГИЮ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: морфология, самоорганизация, энтропия, бифуркация, английский язык.

Изложен синергетический взгляд на характер эволюции грамматической системы языка. На примере английской морфологии показаны диссипативные процессы, лежащие в основе унификации морфологических единиц. Глубокая реорганизация морфологии и всей грамматической системы языка рассмотрена как результат перехода к неустойчивому состоянию вследствие возрастания энтропии.

A.M. AMATOV, Yu.V. MISHANOVA
A SYNERGETIC VIEW OF ENGLISH MORPHOLOGY

Key words: morphology, self-organization, entropy, bifurcation, English.

Paper presents a synergetic view of evolutionary processes in a natural language grammar. Dissipation processes underlying the unification of morphology are shown on the morphological data of English. The deep reorganization of morphology and, therefore, the whole grammar of the language is treated as a result of the transition to a labile equilibrium due to the increase in entropy.

Исследования языковой эволюции, или языкового развития, необходимы не только для достижений в области исторического языкознания, но и для прогностических исследований. Понимание закономерностей развития языковой системы дает нам ключ к разгадке многих, казалось бы, необъяснимых явлений в языках мира. По А. Мартине, «...остается несомненным, что язык, эволюционируя, изменяется непрерывно. Исследование любого языкового элемента в его функционировании позволяет обнаружить различные процессы, которые могут в конце концов привести к тому, что данный язык станет совершенно неузнаваемым» [3, с. 184-185].

Эволюцию в широком философском смысле следует понимать как видоизменение систем в направлении максимальной приспособленности к существованию. Происходит это изменение за счет избирательного сохранения более приспособленных и уничтожения менее приспособленных систем. Для того чтобы система эволюционировала, она должна, как минимум, обладать следующими свойствами: открытостью (способностью получать энергию извне и отдавать её вовне); репродуктивностью (способностью воспроизводить себе подобные системы); изменчивостью; конкурентностью (способностью конкурировать с другими аналогичными системами).

При этом, например, биологическая эволюция – лишь частный случай эволюции в широком смысле слова, поскольку эволюционирующие системы не обязательно должны быть живыми и даже материальными. Например, идеи и компьютерные вирусы подчиняются тем же закономерностям. Подчиняется им, судя по всему, и естественный язык.

Естественный язык со всем основанием можно считать самоорганизующейся системой, которая при формальном описании может быть смоделирована как динамическая. Во-первых, язык представляет собой открытую систему, он не замкнут на себе, непрерывно взаимодействует с обществом, с человеком – своим творцом и носителем, а отдельные языки также постоянно взаимодействуют и друг с другом. Во-вторых, язык состоит из неограниченного множества элементов – в самом деле, нельзя сказать даже для отдельного языка, какое количество морфем, слов или синтагм составляют верхнюю границу. В-третьих, язык – система нелинейная: даже зная точное состояние системы того или иного языка в данный момент, невозможно абсолютно точно предсказать его дальнейшее развитие.

Более того, в развитии языка можно проследить смену устойчивых и неустойчивых состояний. Наконец, в-четвёртых, конкурентность языка проявляется в способности одних языков вытеснять другие в тех или иных сферах употребления, на тех или иных этапах развития общества.

Повышение энтропии системы (подробнее об энтропии языка см., напр., [1]) может привести её к бифуркации, т.е. переходу от устойчивого состояния системы к неустойчивому, которое представляет собой режим с обострением. В режиме с обострением система становится чувствительна к малым флуктуациям и для выведения её на тот или иной эволюционный путь бывает достаточно незначительных воздействий. В качестве примера такой бифуркации с последующей сменой пути развития (и языкового типа в целом) рассмотрим лишь один участок языковой системы, а именно – морфологические средства выражения категории числа в английском языке. Тем не менее в своём анализе мы будем исходить из основного принципа системности – наличия причинно-следственных связей между разными элементами языка, необходимых для устойчивого функционирования системы.

Применительно к английскому языку нашего времени морфологические средства выражения числа очень немногочисленны. Лишь некоторые отклонения от общих правил образования множественного числа свидетельствуют о тех исторических изменениях, которые происходили в языке в разные периоды его развития.

Развитие процесса унификации образования множественного числа начинается с изменения системы гласных в среднеанглийский период. Наиболее существенным для отображения в языке категории числа среди вышеупомянутых изменений можно назвать образование нейтральных гласных в неударных слогах. В области фонетического строя языка изменения вызываются преимущественно внутренними взаимодействиями уровней системы. В основе многих звуковых изменений лежит внутренняя тенденция к облегчению артикуляции, хотя одной из причин может быть и влияние другого языка. Когда историческая реальность такова, что на одной территории вынуждены сосуществовать (а значит, и общаться) носители разных языков, то взаимодействие двух языковых систем неизбежно.

Скандинавские племена, завоевавшие часть страны, в частности её северные районы, несомненно, содействовали процессу упрощения системы английских окончаний. Так как скандинавский и английский языки были лексически схожими, существовало большое количество слов в обоих языках, различавшихся лишь окончаниями. Для осуществления более эффективного коммуникативного процесса окончания стремились к унификации, а то и к полному исчезновению. В таких обстоятельствах неизбежно меняются нормативные установления литературного языка путем приобретения ими литературного статуса и возникновения новых соотношений литературных и внелитературных языковых явлений.

Видимо, в рамках этой тенденции и произошел перенос окончания *-(e)s* родительного падежа существительных на формы множественного числа существительных во всех падежах. Это окончание в итоге становится общепринятым почти для всех существительных во множественном числе.

Случаи ослабления безударных гласных наблюдаются уже в древнеанглийский период, так как в текстах того времени окончание множественного числа прошедшего времени порой неустойчиво, передается различными вариантами: *-on, an, un*.

Далее, в XII-XIII вв., в языке вырабатывается общее окончание, заменяющее неударные звуки [a], [o], [u] на нейтральное [e]. Это отражается и в написании, теперь оно передается буквой *e*.

Следствием ослабления гласных явилось совпадение форм множественного числа существительных с некоторыми другими формами. А именно:

– окончание *-as* множественного числа с основой на *-a-* изменилось в среднеанглийском на *-es* и совпало с окончанием родительного падежа, например:

др.-а. *stānas* – ср.-а. *stones* – камни,

др.-а. *eorlas* – ср.-а. *erles* – знатные люди;

– окончание *-a* множественного числа существительных женского рода с основами на *-ð* и на *-u* преобразовалось в *-e*, например:

др.-а. *andswara* – ср.-а. *andsware* – ответы, ответов,

др.-а. *suna* – ср.-а. *sune* – сыновья, сыновей;

– окончание *-ap* различных падежей существительных с основами на *-l* изменилось в *-en*, например:

др.-а. *naman* – ср.-а. *namen* – имена, имени,

др.-а. *mōnan* – ср.-а. *monen* – луны, луне.

Процесс развития нейтральных гласных в неударных слогах, возникнув в результате развития омонимичных аффиксов в склонении имен и спряжении глаголов, привел к очень существенным изменениям в развитии средств выражения категории числа в языке.

Таким образом, процесс выравнивания окончаний привел к тому, что в начале среднеанглийского периода образовалось три аффикса множественного числа: *-es* (у существительных с бывшими основами на *-a-*), *-en* (у существительных с бывшими основами на *-l-*) и *-e* (у существительных с бывшими основами на *-o-*, на *-r-* и на *-s-*).

Аффикс *-e* оказался омонимичным с падежными аффиксами, которые в то время еще использовались, а также с аффиксом общего падежа единственного числа существительных с основами на *-u-* и на *-o-*. Это очень мешало пониманию речи, поэтому произошло перераспределение существительных, для которых теперь основным принципом классификации стали аффиксы множественного числа, т.е. аффиксы *-es* и *-en*.

К группе существительных с аффиксом *-es* стали относиться:

– существительные мужского рода, бывшие *-a-* основы (например, *wey* – дорога, *ston* – камень, *swan* – лебедь);

– существительные мужского рода, бывшие *-u-* основы (например, *feld* – поле, *somer* – лето);

– существительные мужского рода, бывшие *-i-* основы (например, *wine* – друг);

– существительные среднего рода, бывшие *-a-* основы, корень которых оканчивался на согласный (например, *scip* – корабль, *land* – страна, *water* – вода);

– существительные мужского и женского рода некоторых корневых основ (например, *bok* – книга, *nute* – орех, *ok* – дуб);

– большинство существительных, заимствованных из нормандского и центрально-французского диалектов.

К группе существительных с аффиксом *-en* стали относиться следующие существительные:

– мужского, женского и среднего рода от основ на *-n-* (например, *sterne* – звезда, *tone* – луна, *sonne* – солнце);

– женского рода, бывшие *-ð-* основы (например, *care* – забота, *tale* – число, рассказ);

– женского рода, бывшие *-i-* основы (например, *bride* – невеста, *tide* – прилив);

– женского рода, бывшие *-u-* основы (например, *nose* – нос).

Группа существительных с аффиксом *-es* оказалась более многочисленной, чем группа существительных с аффиксом *-en*. Это привело к тому, что

аффикс *-es* постепенно был осознан как основной, главный аффикс множественного числа. В XIV в. аффикс *-en* утратил *-n* и единственным аффиксом множественного числа имен существительных стал аффикс *-es*.

Процесс унификации и редукции окончаний раньше всего начался на севере, где уже в XII в. окончание именительного падежа множественного числа *-es* распространилось почти на все существительные. В центральном диалекте этот процесс шёл примерно на одно столетие медленнее. На юге – еще медленнее, отдельные слова с окончанием *-en* во множественном числе сохранились там даже до XVI в. (*sho – shoon* – ботинок, *eye – eyen* – глаз, *ox – oxen* – бык, причём последнее существительное сохранило, как известно, это окончание и до наших дней).

Большинство существительных, принадлежавших к корневым основам и ранее образовывавших свое множественное число путем изменения корневого гласного, также постепенно перешли к общему правилу, т.е. утратили чередование гласного в корне и получили окончание *-(e)s* во множественном числе, например:

др.-а. *bōc – bēc*, ср.-а. *bok – bokes* – книга – книги.

Тем не менее существует также группа слов, которые сохранили корневое чередование во множественном числе до нашего времени:

ср.-а. *fōt – foot*, мн.ч. *fēt – feet* (совр. *foot-feet*)

ср.-а. *gōs – goos*, мн.ч. *gēs – gees* (совр. *goose-geese*)

ср.-а. *tōth – tooth*, мн.ч. *tēth – teeth* (совр. *tooth-teeth*)

ср.-а. *mūs – mous*, мн.ч. *mīs* (совр. *mouse-mice*)

ср.-а. *lūs – lous*, мн.ч. *līs* (совр. *louse-lice*)

ср.-а. *man*, мн.ч. *men* (совр. *man-men*).

В данном случае действует закон грамматической аналогии, рассматриваемый В. Жирмунским [2] как один из самых важных закономерностей развития системы языка. Грамматическая аналогия стремится к тому, чтобы одна грамматическая форма выражала одно грамматическое содержание, т.е. упорядочивает морфологию языка.

Учёные уже давно распознали важную роль подобных изменений по аналогии в эволюции языка. Лингвисты определенной эпохи видели в них нечто, прямо противоположное фонетическим изменениям, считая изменения по аналогии единственным средством, помогающим языку избежать дегенерации, постоянно ему грозящей.

Предпосылки изменений в языковой системе обычно лежат в области вариативности языка. Этот процесс привлекает вновь складывающиеся языковые средства, которые могут сочетаться со старыми и дополнять их. Языковая система способна самостоятельно отобрать из нескольких «предложенных» вариантов тот, который наиболее соответствует основным нормам данной языковой системы. Морфологическая вариативность возникает вследствие объединения в одном парадигматическом ряду грамматических форм, разновременных по своему происхождению или различных по своей грамматической структуре (например, формы синтетические и аналитические, как в случае с английским языком).

Итак, в качестве продуктивных форм образования множественного числа существительных современный английский язык из всего многообразия окончаний древнеанглийского периода сохранил лишь *-(e)s*. Коренная перестройка всей системы средств выражения числа была невозможна без утраты существительными категории рода и падежа как таковых. Но такое упрощение произошло не во всех германских языках. Например, оно совершенно не затронуло родственный английскому немецкий язык, по сей день сохраняющий несколько способов образования множественного числа, а также четыре падежа и три грамматических рода.

Исходя из этого факта, мы приходим к выводу, что перенос ударения, ослабивший артикуляцию неударных окончаний существительных в английском языке,

лишь частично повлиял на процесс унификации окончаний множественного числа, так как подобный процесс наблюдался и в других германских языках, в которых унификации не произошло. По всей видимости, огромную роль сыграли все-таки и скандинавские завоевания, происходившие на севере страны, где какое-то время английский и скандинавский языки сосуществовали на равных правах, взаимно упрощаясь, что было обусловлено коммуникативной необходимостью. Не надо забывать о том, что английский язык был очень близок к скандинавскому, особенно лексически. Основы слов часто были очень схожими, отличались лишь окончания, которые и унифицировались с течением времени. Вот почему французский язык норманнов, также завоевавших большие территории Англии и внедрявших на них французскую культуру, не оказал на английский язык подобного влияния. Французский и английский языки были слишком типологически разными, принадлежали к разным языковым группам. Выше мы уже упоминали, что любой процесс унификации начинался именно с севера, завоеванного скандинавскими народами, медленно распространяясь вглубь страны. Таким образом, на процесс унификации средств выражения категории числа повлияли как внешние, так и внутренние факторы развития языка. Отбор аналитических вариантов и их постепенное количественное нарастание, возможно, были вызваны особыми экстралингвистическими условиями билингвизма на территории англоязычного населения.

В своих работах Е.Д. Поливанов приходит к выводу, что социальные факторы не могут изменять природу языковых процессов, но от них «зависит решение 1) быть или не быть данного рода языковой эволюции вообще и 2) видоизменение отправных пунктов развития» [4, с. 120].

Изменение состава носителей литературного языка обуславливает новую цель языковой эволюции – создание единого языка для всех объединяемых в новом составе слоев, ибо, по Поливанову, «... потребность в перекрестном языковом общении здесь обязывает к выработке единого общего языка (т. е. для языковой системы) взамен двух разных языковых систем, каждая из которых неспособна к обслуживанию всего нового коллектива полностью» [4, с. 120].

Обобщая изложенное выше, можно сказать, что конец древнеанглийского периода ознаменовался нарастанием энтропии в системе языка, что повлекло переход к состоянию неустойчивого равновесия (бифуркация), выход из которого на новый этап развития был обусловлен «ослаблением контроля» над языком в связи с норманнским завоеванием Англии (флуктуация). Самоорганизация языка нового типа происходила уже не на морфологической основе – в качестве аттракторов служили синтаксические структуры.

Литература

1. Амагов А.М. К вопросу машинного перевода: энтропия языковой системы и способы её преодоления / А.М. Амагов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. № 2 (13). С. 71-91.
2. Жирмунский В.М. Внутренние законы развития языка и проблема грамматической аналогии / В.М. Жирмунский // Труды института языкознания. Т. IV. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 74-79.
3. Мартине А. Основы общей лингвистики. 2-е изд. / А. Мартине. М.: Едиториал УРСС, 2004. 224 с.
4. Поливанов Е.Д. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка / Е.Д. Поливанов // За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931. С. 117-138.

АМАТОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков № 1, Белгородский государственный университет, Россия, Белгород (amatov@bsu.edu.ru).

AMATOV ALEXANDER MIKHAYLOVICH – doctor of philological sciences, professor of the faculty № 1 of foreign languages, Belgorod State University, Russia, Belgorod.

МИШАНОВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – ассистент кафедры иностранных языков № 2, Белгородский государственный университет, Россия, Белгород (jumish@pochta.ru).

MISHANOVA YULIA VLADIMIROVNA – assisting professor of the faculty № 2 of foreign languages, Belgorod State University, Russia, Belgorod.